

УДК 94 (47) 072.5

ББК 63.3 (2 Рос=Калм)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЛУЖАЩИХ КАЛМЫЦКОГО УПРАВЛЕНИЯ ПО ОРГАНИЗАЦИИ КАЛМЫЦКИХ ПОЛКОВ И ПОМОЩИ РУССКОЙ АРМИИ В ПЕРИОД НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН

С. С. Белоусов

Участие калмыков в войнах 1806–1807 и 1812–1814 гг. начал исследовать одним из первых историк Астраханского казачьего войска¹ И. А. Бирюков. В 1898 г. он опубликовал статью «Участие астраханских калмыков и казаков Астраханского казачьего полка в войнах 1807 года и 1812–1814 годов», в которой привел ряд интересных архивных данных о работе калмыцкой администрации по организации полков и пожертвований для русской армии в этот период [Бирюков 1898]. В 1912 г. в связи со столетним юбилеем Отечественной войны 1812 г. вышли труды Г. И. Прозрителева [1990] и Е. Ч. Чонова [1912], включающие в себя авторские очерки и документы из архивов гг. Москвы, Астрахани, Ставрополя, Полного собрания законов Российской империи по истории формирования и боевого пути калмыцких полков в годы наполеоновских войн.

Следующий этап в развитии историографии участия калмыков в составе русской армии в войнах 1806–1807 и 1812–1814 гг. был опять связан с юбилейными торжествами, посвященными 150-летию победы России над наполеоновской Францией. В 1964 г. сотрудниками Калмыцкого научноисследовательского института языка, литературы и истории Б. С. Санджиевым и М. Л. Кичиковым был подготовлен и опубликован сборник документов «Калмыки в Отечественной войне 1812 г.» [1964]. В него вошли документы как из книг И. А. Бирюкова, Г. Н. Прозрителева и Е. Ч. Чонова, так и новые, выявленные составителями в Центральном государственном военно-историческом архиве (в настоящее время — Российский государственный военно-исторический архив), в Центральном государственном архиве Калмыцкой АССР (ныне — Национальный архив Республики Калмыкия) и в Государственных архивах Астраханской и Ростовской областей. Материалы сборника содержат разнообразную информацию, в том числе описание деятельности калмыцкой знати и администрации по подготовке калмыцких полков к походу.

¹ Впоследствии его атаман.

Спустя год после выхода выше упомянутого сборника историком Т. И. Беликовым была опубликована монография «Калмыки в борьбе за независимость нашей Родины», в которой значительное место уделено истории формирования калмыцких полков и их участию в войне 1812–1814 гг. [1965]

Проведенный анализ историографии вопроса показывает, что, несмотря на положенное предшествующими исследователями прочное начало в изучении этой темы, некоторые ее аспекты освещены недостаточно полно и требуют дополнительного внимания со стороны историков. Одним из таких малоизученных аспектов является деятельность служащих Совета Астраханского калмыцкого управления по мобилизации сил калмыцкого народа для отпора французской агрессии. Автор данной статьи ставит целью описать вклад представителей калмыцкой администрации в подготовке полков к походу и организации пожертвований на нужды русской армии в эпоху Наполеоновских войн.

Первая попытка российского правительства привлечь калмыков к участию в войнах против Наполеона была предпринята в конце 1806 г., что было вызвано тяжелой обстановкой, сложившейся для России в этот период. В октябре этого же года Наполеон разгромил союзника России по 4-й антифранцузской коалиции Пруссию, в результате чего коалиция распалась, а Россия оказалась один на один с сильным противником. В это же время Россия вела войну с Персией и Турцией, поэтому и возникла крайняя необходимость в дополнительных людских подкреплениях русской армии. В связи с этим 30 ноября 1806 г. император Александр I подписал манифест о наборе 612 тыс. ополченцев из 31 российских губерний [Беликов 1965: 111], а за день до этого события он отдал Главнокомандующему в Грузии и на Кавказе генерал-фельдмаршалу И. В. Гудовичу распоряжение о сформировании из калмыков Астраханской, Саратовской и Кавказской губерний 10 пятисотенных полков [Беликов 1965: 111–112]. И. В. Гудович поручил это дело «Главному

приставу над калмыками и тухменами, надзирателю кумык и мирных чеченцев» полковнику А. И. Ахвердову², который разослал по улусам курьеров с приглашениями высшей знати и высшему духовенству прибыть 20 января 1807 г. на совещание в ставку владельца Икицохуровского улуса Мукукена, находившуюся у почтовой станции Шуралинской на Кизлярском тракте.

13 февраля 1807 г. в намеченном Главным приставом месте состоялось собрание высшей калмыцкой знати и духовенства, на котором было принято решение о создании согласно императорскому повелению 10 пятисотенных полков общей численностью в 5 200 чел. Каждые две кибитки были обязаны выставить по одному воину с имевшимся в наличии оружием и двумя лошадьми [Беликов 1965: 113].

После отъезда калмыцкой знати с совещания в свои улусы началась непосредственная работа по формированию калмыцких полков. В условиях разбросанности кочевий на огромной территории сделать это быстро было довольно затруднительно, и в то же время администрация торопила улусные власти (владельцев и приставов), добиваясь скорейшей организации военных отрядов. Особенностью ситуации, сложившейся в дербетовских улусах, являлось то, что свой отпечаток на процесс мобилизации накладывал спор между малодербетовской и большедербетовской знатью по вопросу принадлежности части калмыков, откочевавших из Малодербетовского в Большедербетовский улус. Владельцы улусов Э. Тундутов (Малодербетовский) и Г-Ш. Хапчуков (Большедербетовский) связывали решение спора с количеством выставляемых ими конных воинов [Бирюков 1898: 149]. К А. И. Ахвердову поступило также донесение из Эркетеневского улуса

² А. И. Ахвердов происходил из знатного армянского рода (Ахвердянов) Грузии, представители которого поступили на русскую службу в царствование императрицы Анны Иоанновны (1730-е гг.); отец его был обер-офицером. А. И. Ахвердов был комендантом Кизляра и участвовал в Кавказских походах. Он проявил себя не только как талантливый военный и администратор, но и как исследователь: составил интересное историко-этнографическое описание народов Дагестана, не потерявшее своей научной ценности и по сей день. Осведомленное о большом опыте работы А. И. Ахвердова на Северном Кавказе и знании им горских народов, правительство при назначении его 11 мая 1806 г. на должность Главного пристава калмыцкого народа поручило ему также надзирать за кумыками и «мирными чеченцами».

о том, что 12 зайсангов считают оскорбительным для себя идти в поход в качестве рядовых воинов и требуют должности старшин, подобно другим зайсангам [Бирюков 1898: 150]. В результате Главный пристав удовлетворил их пожелания.

Некоторые из мер, предпринятых А. И. Ахвердовым в период создания пятисотенных полков, носили предупредительный характер, что свидетельствовало о его администраторских способностях и хорошем знании местных дел. Учитывая, что наиболее бедные слои населения ежегодно отправлялись в прибрежные районы в поисках заработков на рыбные промыслы, Главный пристав добился у астраханского губернатора запрета владельцам рыбопромышленных предприятий на время организации воинских команд принимать на работу калмыков. Тем самым он хотел ограничить уход части калмыков с мест их постоянного проживания на заработки в районы рыбных промыслов, что могло усложнить процесс мобилизации.

К апрелю 1807 г. калмыцкие полки были сформированы и по указанию А. И. Ахвердова направлены для осмотра им лично в южную часть Малодербетовского улуса на урочище Амта-Джурук, откуда они частями в начале апреля стали отбывать к определенному генералом от кавалерии И. Д. Савельевым пункту сбора — пристани Подпольной, находившейся в 25 верстах от станицы Новочеркасской. По генеральной ведомости А. И. Ахвердова на пристань прибыло 5 владельцев, 52 зайсанга и 5 129 рядовых калмыков, имевших в своем распоряжении 10 278 лошадей, 2 850 ружей, 866 сабель, 2 424 пик и 10 саадаков³ [Беликов 1965: 115].

Осуществлявший общее руководство процессом создания калмыцких полков генерал от кавалерии И. Д. Савельев высоко оценил организационную работу А. И. Ахвердова и его подчиненных: 8 сентября 1807 г. он в рапорте к Главнокомандующему на Кавказской линии И. В. Гудовичу особенно подчеркнул роль Главного пристава, «со всевозможной заботливостью и попечением трудившегося в командировании сюда из кочевьев своих калмык, искусными внушениями своими старшинам их успевшего возбудить в них готовность к точному и поспешному выполнению воли

³ Саадак (также сагайдак, садак, сайдак, сагадак, согодак) — набор вооружения конного лучника.

Всемиловейшего государя...» [НА РК. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 70. Л. 18]. Из служащих калмыцкого управления И. Д. Савельев также выделил канцеляриста Я. Амелеченкова⁴ «препроводившего сюда (т. е. на Подпольную пристань) с места всех багацохуровского рода калмык в целости и порядке» [НА РК. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 70. Л. 18]. По мнению генерала, всех отличившихся следовало награждать.

В 1807 г. калмыцкие полки не успели вступить в боевые действия, так как вскоре был заключен Тильзитский мирный договор с Францией. В преддверии нашествия армии Наполеона на Россию император Александр I своим указом 7 апреля 1811 г. на имя Главного начальника войск Кавказской линии и губерниях Астраханской и Кавказской генерал-лейтенанта Н. Ф. Ртищева повелел сформировать на добровольной основе два пятисотенных калмыцких полка. Для поощрения вступления в них в указе калмыцкой знати были обещаны «чины и знаки отличия», а рядовым — государственное жалованье [Прозрителев 1990: 84 (I)].

После получения указа Главным приставом подполковником С. Л. Халчинским, сменившим на этом посту умершего А. И. Ахвердова, в Ново-Георгиевской крепости было созвано совещание калмыцких владельцев. Владелец Хошеутовского улуса С. Тюмень и брат владельца Малодербетовского улуса Д. Тундутов заверили, что выполнение указа ими будет завершено в кратчайшие сроки, а также изъявили желание лично возглавить полки.

Усилиями Главного пристава, подчиненных ему служащих калмыцкой администрации и калмыцких владельцев полки в течение двух месяцев были укомплектованы людским и конским составом и в основном оснащены всем необходимым для воинских подразделений. В конце августа 1811 г. полки в сопровождении сотрудника канцелярии Главного пристава, коллежского регистратора И. Анохина прибыли в место сбора в станцию Пятиизбянскую. В квитанции, выданной И. Анохину принимавшим калмыцкие полки майором Дублянским, говорилось, что оба пятисотенных полка «приведены

⁴ Я. Амелеченко находился в калмыцком управлении на хорошем счету, о чем свидетельствуют служебные документы, характеризующие его как честного и трудолюбивого работника [НА РК. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 33. Л. 10]. Он поступил на службу в Калмыцкое управление в 1798 г. и, пройдя ступени карьерного роста, закончил ее губернским секретарем.

благополучно» [НА КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 82. Л. 6–7].

Генерал-лейтенант Н. Ф. Ртищев остался довольным работой С. Л. Халчинского и калмыцких владельцев по формированию полков. В рапорте от 31 августа 1811 г. к императору Александру I он, докладывая об успехе исполнения императорского указа от 7 апреля 1811 г. о создании калмыцких полков, особо отметил роль в этом деле подполковника С. Л. Халчинского, нойонов Э. и Д. Тундутовых и С. Тюменя. О руководителе калмыцкой администрации он писал следующее: «по обязанности своей свидетельствую о деятельности и успехах в скором формировании сих полков Главного калмыцкого пристава подполковника Халчинского, коему по случаю смерти генерала от кавалерии Савельева поручено от меня было объявить калмыкам Высочайшего Вашего Императорского Величества указ и приглашать их на службу, что все приведено им в точное и желаемое исполнение не более как в два месяца при всем том, что калмыки кочевья свои имеют на великом пространстве» [Прозрителев 1990: 25 (III)]. Н. Ф. Ртищев просил императора наградить С. Л. Халчинского орденом Святой Анны 2-го класса с алмазным украшением⁵, Э. и Д. Тундутовых — чином капитана, а С. Тюменя — чином майора, поскольку тот уже имел чин капитана. Александр I одобрил все предложения Н. Ф. Ртищева о награждении упомянутых лиц, помимо этого, он повелел еще наградить С. Л. Халчинского и орденом Святого Владимира 4-ой степени с бантом и золотой шпагой за храбрость [Прозрителев 1990: 24 (III)].

Эффективной признавал деятельность Главного пристава и калмыцкой знати по формированию полков и автор известного труда о военном прошлом калмыков Г. Н. Прозрителев: «Если принять во внимание громадные расстояния, грунтовые дороги и способ сообщения того времени, то надо признать, что все делалось с необыкновенной быстротой, и при этом никаких особенных недоразумений не возникало» [Прозрителев 1990: 87 (I)].

Главному приставу С. Л. Халчинскому, как и его предшественнику А. И. Ахвердову, действительно, удалось мобилизовать силы своих сотрудников и калмыцкой знати на выполнение правительственных распоря-

⁵ Этот орден у него уже был, но без алмазного украшения.

жений по оказанию помощи русской армии в годы наполеоновских войн. Немаловажное значение здесь, очевидно, сыграло то обстоятельство, что оба упомянутых лица были профессиональными военными, в этой среде такие черты характера человека, как дисциплинированность, исполнительность, умение принимать быстрые решения, целенаправленность и ответственность за порученное дело прививаются с первых шагов службы. А. И. Ахвердов и С. Л. Халчинский были не просто офицерами, а боевыми офицерами, которые до своего назначения на должность Главного пристава приняли участие в нескольких войнах России. Приобретенный ими на войне боевой опыт пригодился при создании калмыцких воинских формирований.

Важной слагающей успеха в формировании калмыцких полков были и хорошие личные отношения А. И. Ахвердова и С. Л. Халчинского с влиятельными представителями калмыцкой знати. В своей книге Г. Н. Прозрителев пишет, что С. Л. Халчинский «сумел приобрести расположение народа и благодаря этому мог так успешно действовать среди него» [Прозрителев 1990: 119 (I)]. В своем утверждении он ссылается на выписку из формулярного списка о службе подполковника Халчинского.

В период подготовки к походу С. Л. Халчинский обратил внимание генерал-лейтенанта Н. Ф. Ртищева на необходимость прикрепления к полкам «толмачей» калмыцкого языка, которые бы осуществляли переводы при контактах военнослужащих полков с военным командованием, чиновниками, местным населением. Н. Ф. Ртищев согласился и распорядился выделить из числа служащих калмыцкого управления двух толмачей (по одному в каждый полк).

В 1811 г. штат служащих при Главном приставе включал в себя 23 чел., в том числе 4 канцеляристов, 1 переводчика, 2 толмачей и 6 учеников калмыцкого языка, 2 учителей (калмыцкого и русского языков), 8 приставов [НА РК. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 114. Л. 9–12]. В 1-й и 2-й Калмыцкие полки (командиры Д. Тундутов и С. Тюмень) были назначены толмач П. Ф. Андреев и ученик калмыцкого языка Г. Бочкарев. В калмыцком управлении они работали с 1802 г. и характеризовались с положительной стороны. Переводчики прошли со своими полками весь их боевой путь, они не только исполняли свои непосредственные служебные обязанно-

сти, но и участвовали в сражениях, проявив мужество и героизм. За военные заслуги П. Ф. Андреев и Г. Бочкарев были произведены в чин хорунжих. Последний в 1826 г. в числе военнослужащих 2-го Калмыцкого полка был награжден медалью в память вступления в 1814 г. русских войск в Париж [НА РК. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 255. Л. 27].

В 1811–1812 гг. сотрудники калмыцкой администрации также занимались сбором пожертвований деньгами и скотом среди калмыцкого населения для нужд русской армии. В феврале 1811 г. Главнокомандующий в Грузии А. П. Тормасов предложил астраханским властям рассмотреть вопрос о возможности пожертвований со стороны калмыцкого народа русской армии. После обсуждения данного вопроса в калмыцкой администрации решено было составить и разослать по улусам подробные списки солдатского обмундирования и снаряжения с указанием стоимости каждой вещи. Планировалось пожертвования соразмерять со стоимостью вещи. Как считает И. А. Бирюков, все это делалось с целью упорядочения поступлений и, «вероятно, для объяснения жертвователям, на что именно будут потрачены их деньги...» [Бирюков 1898: 167]. Кампания сбора пожертвований происходила в период с июля 1811 по ноябрь 1812 г. За это время было собрано 25 510 руб., 1 080 лошадей и 400 голов рогатого скота [Бирюков 1898: 168]. В рапорте от 29 октября 1812 г. генерал-майора С. А. Поршнягина к Н. Ф. Ртищеву говорилось, что «Владельцы и народ калмыцкий в пожертвованиях своих явили новый опыт искренней своей преданности ко Всероссийскому Престолу...» [Прозрителев 1990: 41 (III)]. Отмечена была в рапорте и деятельность Главного пристава. «Вменяю себе за долг у вашего превосходительства всепокорнейшее просить за усердие, каковым исполнен будучи, подполковник Халчинский действовал, наклоняя владельцов и зайсангов Калмыцкого народа на пожертвования, более, нежели на 100 000 руб. простирающиеся для пользы отечества, исходатайствовать ему в поощрение Высокомонаршее награждение» [Прозрителев 1990: 41 (III)]. В ноябре 1812 г. сбор пожертвований был прекращен. 6 декабря 1812 г. император Александр I в «Грамоте Калмыцкому и Туркменскому народу» поблагодарил калмыков и туркмен за «подвиг усердия» и «по переменявшимся ныне обстоятельствам» повелел возратить

пожертвования тем, кто их сделал [Прозрителев 1990: 42 (III)].

В годы войны 1812–1814 гг. находившимся в улусах приставам было предписано усилить надзор за калмыками. Поводом к этому послужили распространившиеся среди калмыков слухи о ранении С. Тюменя и дезертирстве его полка, о переходе Д. Тундутова со своим полком на сторону французов, что не соответствовало действительности. Чтобы нейтрализовать негативные последствия не имевших основания слухов, в улусах стали практиковать публичные объявления приказов военного командования о награждении отличившихся в боях военнослужащих калмыцких полков. Благодаря своевременно принятым калмыцкой администрацией мерам удалось избежать серьезного осложнения ситуации [Бирюков 1898: 167].

В заключение отметим, что в целом в годы наполеоновских войн представители калмыцкой администрации в тесном взаимодействии с калмыцкой знатью и всем народом справились с задачами, поставленными российским правительством, внося тем самым свой достойный вклад в победу над Наполеоном.

Источники

Научный архив Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (НА КИГИ РАН).

Национальный архив республики Калмыкия (НА РК).

Литература

Беликов Т. И. Калмыки в борьбе за независимость нашей Родины (XVII – начало XIX вв.). Элиста: Калмгосиздат, 1965. 180 с.

Бирюков И. А. Участие астраханских калмыков и казаков Астраханского казачьего полка войнах 1807 года и 1812–1814 годов // Отчет Петровского общества исследователей Астраханского края за 1896-й год, с приложением рефератов, читанных в заседаниях общества. Астрахань: Тип. Н. Л. Рослякова, 1898. С. 147–169.

Калмыки в Отечественной войне 1812 года: сборник документов / сост. М. Л. Кичиков, Б. С. Санджиев. Элиста: Калмгосиздат, 1964. 163 с.

Прозрителев Г. Н. Военное прошлое наших калмык. Элиста: Санан, 1990. 144 (I) + 28 (II) + 60 (III) + 44 (IV) + 30 (V) + XXXXIII с.

Чонов Е. Ч. Калмыки в русской армии XVII в., XVIII в. и 1812 год. Пятигорск: Г. А. Сукиясянц, 1912. 71 с.

УДК 94

ББК 63.3(2)47

К ВОПРОСУ О КАЛМЫЦКИХ БОЕВЫХ ЗНАМЕНАХ

Т. И. Шараева

«...Все шесть тысяч двенадцать бойцов / Двинулись за Джангром в поход, / ... Желтое знамя взметнул Шонхор. / Если на знамя надеть чехол, / Будет, как солнце, сиять земле. / Если ж не прятать его в чехле, / То как семь засияет солнц! / Сто наконечников у него, / Блещут сто желтых древков его...» [Джангар 1990: 97].

Так описывается боевое знамя владыки страны Бумбы в песне «О победе исполина Алого Хонгора и Савра Тяжелорукого над свирепыми богатырями лютого Замбал-хана» калмыцкого героического эпоса «Джангар». В другой песне Джангар на пиру говорит о своем знамени: «...Это знамя в течение лет / Я берег от врагов и от бед, / Пронесил сквозь бои, сквозь тьму, / Не давая взять никому...» [Джангар 1990: 221]. Зная о желании Шонхора быть знаменосцем, Джангар пытается выяснить моральную и

физическую готовность, чувство его ответственности: «А ты знаешь ли, мальчуган, это знамя <...> высотой саженой пятьдесят, / Сто саженой оно шириной, / Ты удержишь его, герой?». На что юный Шонхор отвечает: «Пусть десятки стрел, / Словно дождь грозовой иль град, / Мне на голову полетят, / Если даже паду в бою, / Знамя на землю не уроню!» [Джангар 1990: 222].

В этих примерах из эпоса мы наглядно видим особое, сакральное отношение к боевому знамени у наших предков. Гиперболизация внешнего вида знамени в фольклоре — отражение его значимости. Само знамя и его атрибутика не случайны. Как считают ученые, в ходе сражения знамена играли важную роль. Они «...служили ориентиром для воинов одного отряда или даже целой армии. Под ними собирались воины разбитых подразделений, всадники, вернувшиеся из пого-